

Марина Пеунова

Восточная инкарнация европейских «новых правых»: Александр Панарин и неоевразийский дискурс в современной России¹

В статье рассматривается творчество Александра Панарина (1940-2003), политического философа, ставшего за последние 10 лет своей недолгой жизни самым значительным подвижником неоевразийства в России. Сравниваются идеи Панарина и представителей ультраправого движения Европы, а именно, французских т.н. «новых правых» и, в частности, основоположников этого течения, таких как Ален де Бенуа. Высказывается мнение, что Панарина стоит рассматривать как проводника идей европейских «новых правых» в России, и что его неоевразийский дискурс следует в русле некоторых из этих идей. Интеллектуальные параллели между европейскими «новыми правыми» и неоевразийством подтверждают тезис о транснациональной природе правого экстремизма и европеизации русского ультранационализма.

Начиная с российской имперской экспансии и прозападных, модернизаторских реформ Петра I-го и Екатерины II-й, русские мыслители заняты решением «больных» вопросов: что такое Россия и кто такие русские? Является ли Россия Европой или Азией? Какова российская историческая и политическая судьба? На протяжении веков эти темы становились предметом острых дискуссий между западниками и славянофилами, в идеологических схватках первой эмигрантской волны, представители которой покинули большевистскую Россию, а также в диссидентских кухонных разговорах и на страницах самиздатовских публикаций советской эпохи. Именно эти вопросы с новой силой зазвучали после распада СССР и образования нового государства – Российской Федерации.

¹ Ранее опублик. на английском языке в периодическом издании «Journal of Contemporary European Studies» (2008. Vol. 16. № 3. P. 407-419).

Решающая роль в их постановке и в поисках ответов на них принадлежит интеллектуальной элите. Конструируя национальные нарративы с помощью языка, средств коммуникаций, а также исторического и культурного мифотворчества,² интеллектуалы выступают «просветителями, освободителями, выражающими национальный дух, который должен быть оживлён, воскрешён, возрождён.»³ В других же, хорошо известных случаях, национализм «парализовал умы интеллектуалов,»⁴ которые, по словам Ричарда Волина, «были совращены анти-разумом»⁵ и стали авторами ультра-националистических дискурсов.

В статье исследуется творчество Александра Панарина (1940-2003), известного в своё время политического философа, который, за последние десять лет своей недолгой жизни, стал самым значительным поборником имперского, «цивилизационного» национализма в России. В своих многочисленных публикациях как научного, так и публицистического толка Панарин развивал ряд культуралистских, партикуляристских, антилиберальных, антизападных, имперских, антиглобалистских, религиозных (православных), геополитических, и ультраправых идей, которые лежат в основе неоевразийства на российской почве. Неоевразийство – это захватывающе неясное, сверх-разрекламированное, но недостаточно теоретически разработанное течение в интеллектуальной жизни России, продукт российских интеллектуалов, пытающихся определить основу российской национальной идентичности и место России в мире. Неоевразийство преподносится его приверженцами как новая «русская идея», уходящая корнями в «классическое» евразийство 1920-х – 30-х гг., которое, в свою очередь, появилось на свет из-под пера русских эмигрантов, бежавших из революционной России и нашедших прибежище в межвоенной Европе. «Классические» евразийцы пошли дальше дебатов между западниками и славянофилами и вообразили Россию как не-Европу, но и не-Азию, а как уникальную цивилизацию, Евразию.⁶

Вопреки заверениям самих неоевразийцев, выдающих себя за наследников первых евразийцев, представляется ошибочным понимать неоевразийство как продолжение «классического» евразийства. Во-первых, сегодняшнее евразийство не явля-

² Bhabha, H. K. Introduction: Narrating the Nation // *Nation and Narration* / Ed. H. K. Bhabha. New York: Routledge, 1990.

³ Kennedy, M. D. & Suny, R. G. Introduction // *Intellectuals and the Articulation of the Nation* / Eds. R. G. Suny and M. D. Kennedy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. P. 3.

⁴ Molnar, M., *The Hungarian Intellectual and the Choice of Commitment of Neutrality*. Цит. по *Intellectuals and the Articulation of the Nation*. P. 9. См. также: Kedourie, E. *Nationalism* // *Nationalism* / Eds. J. Hutchinson & A. D. Smith. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 42, 65.

⁵ Wolin, R. *The Seduction of Unreason: The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism*. Princeton: Princeton University Press, 2004.

⁶ О классическом евразийстве см., напр.: Bassin, M. *Classical Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity* // *Ab Imperio*. 2003. № 2. P. 257-67; Riasanovsky, N. *The Emergence of Eurasianism* // *California Slavic Studies*. 1967. Vol. 4. P. 39-72.

ется однородным движением, скорее плодом коллективного умственного труда целой плеяды не связанных между собой интеллектуалов. Во-вторых, некоторые из этих разрозненных поборников неоевразийства находятся в большем интеллектуальном долгу у западных геополитиков Фридриха Ратцеля (1844-1904), Альфреда Мэхэна (1840-1914), и Хальфорда Макиндера (1861-1947), а также у представителей немецкой консервативной революции (1918-1933) и у европейских «новых правых» (далее ЕНП), чем у классических евразийцев.

Признавая Панарина ключевой фигурой неоевразийства, западные исследователи до сей поры обходили вниманием творчество этого мыслителя,⁷ предоставляя Александру Дугину (род. 1962),⁸ нынешнему главному гуру и популяризатору неоевразийской мысли, почивать на лаврах первенства. В существующих же немногочисленных работах, посвящённых Панарину, учёные подчёркивают, что «умеренное» евразийство раннего Панарина, основанное на «цивилизационном оптимизме»,⁹ отличает этого мыслителя от экстремистского «геополитического пессимизма», арианизма и оккультизма Дугина. В то время как правая экстремистская составляющая концепции Дугина, а также близость его идей идеям ЕНП, неоднократно обсуждались в многочисленных научных публикациях,¹⁰ подобное рассмотрение панаринского творчества сквозь призму европейского ультрационализма отсутствует, в результате чего корни панаринских рассуждений остаются неочевидны. Бытует мнение, что Дугин является ультра-, а Панарин – умеренным националистом.

Проведенный в этой статье анализ творчества Панарина идёт вразрез с вышеуказанной точкой зрения: я считаю, что панаринская мысль претерпела трансформацию от «мягкого либерального национализма» рубежа 1980-х – 1990-х годов к антилиберальному экстремистскому национализму конца 1990-х – начала 2000-х годов, трансформация, позволяющая записать этого философа в ряды российских правых

⁷ Наиболее значимым исключением являются работы Марлен Ларуэль. См.: Laruelle, M. *La Quête d'une identité impériale: Le néo-Eurasisme dans la Russie contemporaine*. Paris: Petra, 2007; Ларуэль, М. Александр Панарин и «цивилизационный» национализм в России // *Русский национализм: идеология и настроение* / Ред. Александр Верховский. М.: Центр «Сова», 2006; Bazhanov, V. A Note on Panarin's *Revansh istorii* // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. № 4. P. 705-708; Pursiainen, C. *Eurasianism and Neo-Eurasianism: The Past, Present, and Postmodernity of a Russian Integration Ideology*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 1998.

⁸ См., напр.: Dunlop, J. *Aleksandr Dugin's Foundations of Geopolitics* // *Demokratizatsiya*. 2004. Vol. 12. № 1. P. 41-57; Umland, A. Alexander Dugin, the Issue of Post-Soviet Fascism and Russian Political Discourse Today // *Russian Analytical Digest*. 2007. Vol. 14. № 6. P. 2-5; Shlapentokh, D. Dugin Eurasianism: A Window on the minds of the Russian elite or an intellectual ploy? // *Studies in East European Thought*. 2007. Vol. 59. № 3. P. 215-236.

⁹ Цыганков, А. Национальный либерализм Александра Панарина // *Свободная Мысль-XXI*. 2005. № 9. С. 100-117.

¹⁰ Laruelle, M. *Aleksandr Dugin: A Russian Version of the European Radical Right?* Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2006; Соколов, М. Новые правые интеллектуалы в России. Стратегии легитимации // *Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 321-354.

радикалов. В дефиниции правых радикалов, в их позиционировании себя в пост-перестроечном российском контексте, я исхожу из определения, данного ведущим специалистом в изучении фашизма Уолтером Лакёром. Этот авторитетный исследователь проводит грань между радикальными правыми группировками и теоретиками, и просто националистами, следуя «простому правилу: первые ищут и находят причину российских бед исключительно в интригах и махинациях как международных, так и внутренних врагов, а вторые готовы заняться интроспекцией, самокритикой, и, где это того требует, покаянием».¹¹ Алан Инграм повторяет доводы Лакёра, при этом давая более развернутую оценку русских правых радикалов, замечая, что, в отличие от своих более умеренных собратьев, русские ультранационалисты проповедуют антисемитские и антидемократические взгляды.¹² Стивен Шенфилд также разделяет эту позицию, добавляя, что представители русского правого экстремизма полагают, что Россия должна следовать по своему собственному, партикуляристскому пути развития и лелеят экспансионистские мечты воссоздать российскую империю, в то время как умеренные националисты являются плюралистами, уважающими концепцию универсальных прав человека и воспринимающими распад СССР как не подлежащий пересмотру свершившийся факт.¹³

Данная статья указывает на транснациональный характер правого экстремизма, показывая, на примере Панарина, что русский правый экстремизм находится под тяжелым грузом европейских ультранационалистических идей. Я подчёркиваю, что неоевразийство Панарина, отождествляемое этим мыслителем с «русской идеей», оказывается, под пристальным рассмотрением, не подлинно «русским», а скорее основанным на идеях французских новых правых (далее ФНП), одной из подгрупп европейского правого экстремизма. Привлекая внимание читателя к ранним работам Панарина и сопоставляя его идеи с идеями представителей ФНП, я показываю, что панаринская версия неоевразийства, равно как и дугинская, является русской реверберацией ЕНП, и что интеллектуальные параллели между ФНП и неоевразийством наглядно свидетельствуют о трансмиссии европейских идей на восток и европеизации русского ультранационализма.

¹¹ Laqueur, W. *Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia*. New York: Harper Perennial, 1994. P. XV.

¹² Ingram, A. «A Nation Split Into Fragments»: The Congress of Russian Communities and Russian Nationalist Ideology // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. № 4. P. 696.

¹³ Shenfield, S. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. Armonk: M.E. Sharpe, 2001. P. 50.

Европейские «новые правые» и их восприятие в России

Термин «новые правые» (*Nouvelle Droite*) был введен в употребление в 1960-е годы французским интеллектуалом Аленом де Бенуа. В последующее десятилетие это течение завоевало множество сторонников среди склоняющихся вправо интеллектуалов как во Франции, так и в других европейских странах, включая Бельгию, Германию, и Италию. После непродолжительного периода славы в конце 1960-х – 1970-х годов, ЕНП была отодвинута на задворки интеллектуальной жизни. Тем не менее, идеи «новых правых» теоретиков продолжают по-прежнему оказывать огромное влияние на европейских политиков правого экстремистского толка.¹⁴ Эта «культуралистская школа мысли с многочисленными точками притяжения»¹⁵ вызвала настоящий шквал дебатов в научной среде.¹⁶ Академические штыки в первую очередь скрестились вокруг вопроса о фашистском наследии «новых правых». Всё больше и больше учёных соглашались с британским историком Роджером Гриффином, полагающим, что фашистская идеология является «некой палингенетической формой популистского ультра национализма.» Эти исследователи рассматривают широкий спектр культуралистских, этноцентричных, расистских, и сверхнационалистических движений, включая ЕНП, определяя их как нео-фашистские и, таким образом, указывая на воспроизведение фашизма в разных социо-культурных контекстах.

Сторонники ЕНП являются «идеологическими предпринимателями»,¹⁷ интеллектуалами и общественными фигурами, включая журналистов, философов, экономистов, и попросту самоучек, которые трудятся над созданием антилиберальной, анти-эгалитарной идеологии.¹⁸ Их главная цель – достижение «грамшианской» культур-

¹⁴ Тамир Бар-Он предлагает отличный обзор европейских «новых правых». См. Bar-On, T. *Where Have all the Fascists Gone?* Hampshire: Ashgate, 2007. См. также работы двух исследователей, которые переметнулись на сторону «новой правой»: Sunic, T. *Against Democracy and Equality: The European New Right*. New York: Peter Lang, 1990; O'Meara, M. *New Culture, New Right: Anti-Liberalism in Postmodern Europe*. Bloomington: 1st Books, 2004.

¹⁵ Duranthon-Crabol, A.-M. *Visages de la nouvelle droite: Le G.R.E.C.E et son histoire*. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1988.

¹⁶ Griffin, R. *Plus ça change! The Fascist Pedigree of the Nouvelle Droite // The Development of the Radical Right in France 1890-1995* / Ed. E. Arnold. London: Routledge, 2000. P. 217-252; Gregor, A. J. *The Search for Neofascism: The Use and Abuses of Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006; Taguieff, P.-A. *Sur la nouvelle droite: Jalons d'une analyse*. Paris: Descartes et Cie, 1994. Тагиев считает, что с началом издания журнала «Krisis» в 1988г. де Бенуа окончательно порвал с нео-фашизмом и правым экстремизмом. См. также Griffin, R. *The Nature of Fascism*. London: Routledge, 1993. P. 26.

¹⁷ Stark, G. *Entrepreneurs of Ideology: Neoconservative Publishers in Germany, 1890-1933*. Chapel Hill: University North Carolina Press, 1981. Старк использует это определение в отношении представителей немецкой Консервативной революции.

¹⁸ Критику либерализма см. в: de Benoist, A. *Les idées à l'endroit*. Paris: Éditions Libres-Hallier, 1979. P. 84-9. Анти-эгалитарный дискурс ФНП см. в: Baccou P. & Le Club de l'Horloge. *Le Grand Tabou*.

ной гегемонии: в погоне за властью над умами, они воздерживаются от участия в политике, прибегая вместо этого к метаполитическим методам борьбы. Не вызывает удивления тот факт, что ЕНП интеллектуалы отрицают обвинения в фашизме, предпочитая выглядеть наследниками новых левых, а не «старых» правых.¹⁹ Таким образом, облачаясь в политкорректные одежды, представители новой правой придают своим идеям более лицеприятный вид и усыпляют бдительность общественности, знакомой с ужасами, к которым привёл фашизм во время Второй мировой войны. Однако вся оборонительная риторика ЕНП рассыпается в прах при пристальном изучении их текстов. В своих многочисленных публикациях, авторы ЕНП просто перетасовывают главные идеи фашистских «старых» правых, давая их идеям новую жизнь. Иными словами, ЕНП интеллектуалы ведут свой дискурс в «таких причудливых направлениях, и в сторону от как бы то ни было распознаваемой революционной позиции, что их фашистские чаяния новорождения кажутся растворёнными в рассеянном культурном пессимизме о состоянии современного миропорядка».²⁰ Несмотря на свою мнимую невинность, ЕНП интеллектуалы представляют реальную опасность для либерально-демократического строя мульти-этнических обществ.

Ряд кочующих из публикации в публикацию идей составляют ядро идеологии ЕНП. Это и предупреждения о том, что декадентская Европа впадет в «ночь своего упадка»²¹ и надежды на её перерождение (палингенез) через возврат к подлинной европейской традиционной духовности. Поборники новых правых пророчат, что это перерождение и станет панацеей от кризиса, постигшего Европу.²² ЕНП интеллектуалы также утверждают, что локальные культуры и регионы имеют «право на различие» и призывают к сохранению образа жизни органических сообществ вопреки глобализации, которая ведёт, на взгляд этих интеллектуалов, к единообразию мира. Представители ЕНП ратуют за развитие пан-европейской идентичности жителей «европейской империи регионов».²³ По мнению Тамира Бар Она, автора наиболее

L'économie et le mirage égalitaire. Paris: Albin Michel, 1981. Также см.: de Benoist, A. Vue de droite: Anthologie critique des idées contemporaines. Paris: Copernic, 1978. P. 24.

¹⁹ По убеждению Гриффина и других, целью «новой правой» является придание респектабельности «старой» правой: см. Griffin, R. Between Metapolitics and *Apolitea*: The New Right's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the Interregnum // *Modern and Contemporary France*. 2000. Vol. 8. № 2. P. 35-53. Другие же исследователи считают, что феномен «новой правой» является культурной реакцией на вызовы, поставленные «новыми левыми» в 1960х гг: см. Minkenberg, M. The New Right in France and Germany: *Nouvelle Droite, Neue Rechte* and the New Right Radical Parties // *The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties* / Eds. P. Merkl & L. Weinberg. London: Routledge, 1997.

²⁰ Griffin, R. Interregnum or endgame? The radical right in the «post-fascist» era // *Journal of Political Ideologies*. 2000. Vol. 5. № 2. P. 170.

²¹ Faye, G. Nouveau discours à la nation européenne. Paris: Albatros, 1985. P. 15.

²² Duranthon-Crabol, A.-M. La «Nouvelle droite» entre printemps et automne, 1968-1986 // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 1988. Vol. 17. Jan-Mar. P. 39-49.

²³ Faye. Nouveau discours. P. 13, 34.

всеобъемлющего труда по ЕНП, идея гомогенной пан-европейской империи лежит в основе мировоззрения представителей этого движения.²⁴ Федерация гомогенных этничностей, к созданию которой призывают ЕНП интеллектуалы, будет (по их сценарию) основана, как считает исследователь Мартин Ли, на «культурном этноплюрализме»,²⁵ или же, согласно Пьеру-Андре Тагиеву, на «новом культурном расизме».²⁶

Русские интеллектуалы попали под влияние европейского традиционализма ещё в 1960-е годы. Тогда впервые появились подпольные переводы Юлиуса Эволы, Рене Генона, Титуса Буркхарда, Фритьофа Шюона и других традиционалистских авторов, чьи работы стали доступны членам диссидентского кружка, члены которого собирались в Южинском переулке в квартире писателя Юрия Мамлеева. После того как Мамлеев, под напором КГБ, эмигрировал в 1970-х годах в США,²⁷ кружок возглавил философ Евгений Головин. Позднее Головин образовал подпольную организацию под названием «Чёрный орден СС», в которую вошли будущие неоевразийцы Александр Дугин и Гейдар Джемаль.²⁸ Вот этот-то европейский традиционализм в исполнении правых интеллектуалов 1960-х – 1970-х гг. и подготовил почву для РНП, идеи которой достигли пика своей популярности два десятилетия спустя. Именно в перестроечные годы эти идеи и начали удобрять заново рожденное евразийство.²⁹

Как и их европейские собратья, поборники русской новой правой (далее РНП) опираются на традиционалистскую доктрину. По шаблону традиционализма ЕНП, повернутого к европейскому прошлому, РНП призывает к возврату к русским национальным традициям и духовным основам православия. Подобно ЕНП, представители РНП стремятся в первую очередь вызвать культурную революцию в умах, а не достичь гегемонии в политике. Так, после своих ранних, и провалившихся, хождений во власть в 1990-х годах,³⁰ Дугин заявил, что цель движения «Евразия» – «не

²⁴ Bar-On, T. Fascism to the Nouvelle Droite: The Dream of Pan-European Empire // *Journal of Contemporary European Studies*. 2008. Vol. 16. № 3. P. 327-345.

²⁵ Lee, M. *The Beast Reawakens*. Toronto: Little, Brown, and Co., 1997.

²⁶ Taguieff, P.-A. The New Cultural Racism in France // *Telos*. 1990. Vol. 83. P. 109-122.

²⁷ Мамлееву было возвращено российское гражданство в 1991 г. Он остаётся одним из наиболее убеждённых неоевразийцев, входящих в Международное евразийское движение Дугина. Мамлеев также преподаёт в созданном в 1998м г. Дугиным Новом Университете.

²⁸ Dunlop. Aleksandr Dugin's *Foundations of Geopolitics*. P. 41.

²⁹ О русской «новой правой» см.: Фрумкин, К. Традиционалисты: портрет на фоне текстов // *Дружба народов*. 2002. № 6. P. 5-41; Umland, A. The Post-Soviet Russian Extreme Right // *Problems of Post-Communism*. 1997. Vol. 44. No. 4. P. 53-61; Umland, A. *Toward an Uncivil Society? Contextualizing the Recent Decline of Extremely Right-Wing Parties in Russia*. Cambridge: Weatherhead Center for International Affairs, Harvard University, 2002; Соколов. Новые правые интеллектуалы в России.

³⁰ Дугин предпринял неудачные попытки найти союзников сначала в главе КПРФ Геннадии Зюганове, а потом – в лидере НБП Эдуарде Лимонове. Оба эти начинания окончились провалом. Дугин добился славы только в 1997-м г. после публикации «Основы геополитики», а особенно годом позже, став советником председателя Госдумы Геннадия Селезнёва.

прийти к власти и не бороться за власть, [а] бороться за влияние на власть».³¹ Тем не менее, несмотря на свою, казалось бы, аполитичность, неоевразийские идеи постепенно трансформировались в период второго президентского срока правления Владимира Путина из интеллектуальной эпидемии, распространившейся на никак между собой не связанные группускулы интеллектуалов, в общепризнанные постулаты, теперь встречающиеся в программах основных политических партий не только правого, но и центристского уклона, и в официальных правительственных заявлениях.³² Безусловно, было бы преувеличением считать самого Путина неоевразийцем, но такие видные политики времен путинского президентства, как министр культуры Александр Соколов, вице-спикер Совета Федерации Александр Торшин, советник Путина Асланбек Аслаханов, председатель Комитета по международным отношениям Совета Федерации Михаил Маргелов, а также президент национальной ассоциации теле- и радиовещания Едуард Сагалаев входили (а некоторые из них продолжают входить) в Международное Евразийское Движение, возглавляемое Дугиным.³³

Восхождение Панарина на академический Олимп и его «перевод» идей французских «новых правых»

Вплоть до середины 1980-х годов имя Панарина не было известно ни за рубежом, ни в России. Настоящего признания Панарин добился лишь в последние двадцать лет своей жизни, оборвавшейся в результате затяжной болезни. Биография Панарина проливает свет на его интеллектуальную траекторию. Панарин родился в 1940-ом году на Украине в Донецкой области. Вдохновлённый произведениями Карла Маркса, будущий провозвестник неоевразийства с ранних лет мечтал о занятии философией. Этому «простому мальчику из провинции»³⁴ удалось поступить на философский факультет МГУ только после того, как он проработал два года на заводе учеником слесаря. В 1963-ом году Панарин был исключён из университета за участие в андерграундном кружке, члены которого, такие же молодые студенты из про-

³¹ Дугин, А. Евразийство: от философии к политике. Доклад на учредительном съезде Международного евразийского движения. 2001. 21 апреля. <http://eurasia.com.ru/stenogramma.html>

³² Следы неоевразийской риторики можно найти в дискурсе о суверенной демократии. См. Сурков, В. Наша российская модель демократии называется «суверенной демократией» // Единая Россия: официальный сайт партии. 2006. 28 июня. <http://old.edinros.ru/news.html?id=114108>.

³³ <http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=1915>.

³⁴ Личное интервью с Наталией Зарубиной, май 2008, Москва.

винции, как и сам Панарин, именовали себя «истинными ленинцами» и призывали к возврату к «истинному» Марксизму. Поскольку в советскую эпоху философия была самой идеологизированной из гуманитарных наук, после отчисления из МГУ для Панарина закрылся доступ в высшие эшелоны научной жизни.³⁵ Не имея возможности ни преподавать в университете, ни публиковать свои работы, Панарин на два десятилетия застрял во второстепенных учебных заведениях, имеющих лишь косвенное отношение к философии. Там он и прозябал вплоть до горбачевской оттепели.

Продвижение Панарина на философском поприще началось во время перестройки. В 1984-ом году Панарина пригласили в Институт Философии Академии Наук СССР. С этого момента и началось его стремительное восхождение, оборвавшееся только с его кончиной. За эти последние двадцать лет своей жизни, Панарин добился невероятной популярности, у него появилось множество последователей среди его учеников в МГУ, где он теперь не только преподавал, но и стал основателем кафедры политологии на том же философском факультете, откуда его некогда с позором исключили. У Панарина обнаружился неординарный ораторский дар, и на его лекции стекались толпы молодых людей. Все эти последние двадцать лет после своего «возвращения» он очень много писал, издав множество книг и статей как научного, так и публицистического толка. Благодаря этой новообретённой популярности, Панарина регулярно стали приглашать на телевидение.

В отличие от Дугина, Панарин в годы своей юности не был членом традиционалистского кружка под эгидой Мамлеева-Головина. Но уже к концу 1980-х он стал одним из наиболее осведомлённых специалистов по ФНП движению в России. Многие из панаринских суждений раннего периода, которые на удивление остаются незамеченными специалистами по русскому ультранационализму, были навеяны идеями ФНП. Панарин остался верен этим убеждениям и в своих более поздних трудах неоевразийского периода. Так, уже в первых своих опубликованных статьях,³⁶ появившихся в сборниках ИНИОН в период с 1980-го по 1991-й год и позднее

³⁵ Личное интервью с Виталием Пашенко, октябрь, 2006, Москва; личное интервью с Наталией Зарубиной. Также см.: Зарубина, Н. Биография Александра Сергеевича Панарина // Культурное наследие как основа национальной идентичности. Первые Панаринские чтения. М.: ГАСК, 2005. С. 26.

³⁶ Панарин, А. Альтернативный стиль и наследование культуры // Проблемы культурного наследования в философской теории и практике современного Запада. М.: ИФАН, 1989; он же. Контркультура – предтеча духовно-этической революции современности // Контркультура и социальная трансформация. М.: ИФАН, 1988; он же. Критика немарксистских концепций социализма (теория «третьего пути» в современной идеологической борьбе). Москва: Институт философии АН СССР, 1986; он же. Либерально-техническая и неоконсервативная концепция свободы человека в современной идеологической борьбе // Проблемы свободы человека в современной идеологической борьбе. Рига: Зинотне, 1987; он же. О смене парадигм в современной буржуазной социальной науке. Доклад, сделанный на 8-м Международном Конгрессе по логике, методологии и философии науки. Москва, 1989; он же. Социология утопизма: неоконсерватизм

вошедших в его докторскую диссертацию по французскому неоконсерватизму, Панарин одобритительно отзывался о культуралистских и традиционалистских взглядах ФНП интеллектуалов. Правда, в то время наш философ ещё был либералом и критиковал их антилиберальную позицию и призывы к реставрации иерархического социального порядка.

Панарин начинал как сторонник горбачёвской либерализации. Его взгляды во время перестройки были схожими со взглядами диссидентствующих представителей ФНП, которые порвали с де Бенуа и с исследовательским центром *Groupement de recherche et d'études de la civilisation europeene* (Группа исследования и изучения европейской цивилизации, GRECE, *фр.*) и организовали клуб «Horloge». Это молодое поколение ФНП встало под знамя «либерального национализма»,³⁷ сочетающего, в их понимании, экономическую свободу с убеждением, что национальная идентичность повязана на культуре. Панарин же, в свою очередь, изменил свою пролиберальную позицию в результате распада СССР, социального разброда, дезинтеграции государства, и общего духовного и идеологического кризиса, охватившего Россию в годы правления Бориса Ельцина. Панарин пришёл к выводу, что либерализм не подходит для России. Прежде либеральные панаринские взгляды после 1991-го года постепенно становились всё более ультранационалистическими, и всё больше напоминали идеи первого поколения ФНП интеллектуалов, входивших, во главе с де Бенуа, в GRECE. Более того, Панарин использовал основные столпы, на которых держится дискурс ФНП, для построения своей антилиберальной неоевразийской конструкции.

На первый взгляд озадачивающая перемена, произошедшая с Панариным, парадигматична для русской интеллектуальной жизни 1990-х годов. Аналогичная метаморфоза произошла со многими российскими интеллектуалами, чьи иллюзии по поводу ельцинских неолиберальных реформ были разбиты. Эти интеллектуалы восприняли рост сепаратизма и многочисленные этнические конфликты на территории бывшего СССР как доказательство того, что распад Советского Союза был трагической ошибкой. Но, в отличие от разуверившихся и впавших в апатию интеллектуалов, Панарин переметнулся в сторону радикальных правых и начал обвинять Запад, евреев,³⁸ и пролиберальных российских западников (которых он окрестил «чикагскими мальчиками» и «пятой колонной Запада») в развале России.³⁹ Бомбардировки НАТО бывшей Югославии в 1999-ом году, а также западная поддержка чеченского

против модернизма // *Панорама буржуазной социологии XX в.* (Франция, Италия). М.: ИНИОН, 1980.

³⁷ Taguieff, P.-A. *Origines et métamorphoses de la nouvelle droite* // *Vingtième Siècle*. 1993. Vol. 40. Oct-Dec. P. 17.

³⁸ Панарин, А. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 253-256, 529.

³⁹ Панарин. Россия в цивилизационном процессе. С. 76.

сепаратизма, подлили масла в огонь панаринского негодования. Под конец жизни, он окончательно уверился в своих подозрениях о существовании заговора США против России.

Панарин проповедовал идеи ФНП завуалированно и явно. Эти идеи подпитывали его становившийся всё более экстремистским национализм. Вторя де Бенуа, Панарин отзывался о либеральной демократии как о «конструкци[и], целиком базирующе[й]ся на потребительско-гедонистической утопии мира» и воспевал демократию «органическую».⁴⁰ Вслед за де Бенуа он полагал, что «противоречие развёртывается не между правыми и левыми, социалистами и либералами, фашизмом и коммунизмом, 'тоталитаризмом' и демократией. Оно пролегает между сторонниками одновариантного в культурном отношении мира и защитниками мира плюралистического, основанного на разнообразии культур».⁴¹ Панарина привлекало к ФНП и то, что её представители относятся к культуре как к организующему фактору человеческого существования, 'умаление которого всегда ощущается людьми как утрата смысла жизни'.⁴² Аналогично выступлениям де Бенуа против этнокультурной гомогенности, Панарин говорил, что нация имеет «право быть другой».⁴³ В том же ключе, что и ФНП, Панарин считал, что культуры являются закрытыми и непроницаемыми, и что поскольку культура лежит в основе национального самосознания общества, то необходимо сохранять её специфику и самобытность. В своих более поздних работах Панарин предостерегал об опасности скрещивания культур, и призывал к культурной автаркии. Будучи русским традиционалистом, Панарин разделял веру представителей ФНП в то, что дегуманизация стала ценой современности, а также в примат культуры над экономикой и в необходимость сохранения национального культурного наследия в борьбе против коммерциализации, во главе которой стоят США. Неоевразийство, в панаринском варианте, аналогично антиглобализму ФНП интеллектуалов, которые считают, что глобализация умаляет значение суверенных национальных государств и ведёт к исчезновению культурного разнообразия.⁴⁴

Будучи таким же осторожным, как и авторы ФНП, Панарин пытался отмежеваться от обвинений в расизме и заменял биологические аргументы культурными. И тем не менее, дискурс Панарина, как и дискурс интеллектуалов ФНП, является ярким примером нового, культурного, расизма, поскольку, аналогично авторам расистских теорий, Панарин делил мир на застывшие, а не постоянно меняющиеся, культурные

⁴⁰ Панарин. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 147.

⁴¹ De Benoist, A. *Europe, Tiers Monde, même combat*. Paris: Éditions Robert Laffont, 1986. С. 17.

⁴² Панарин, А. Стил «ретро» в идеологии и политике (критические очерки французского неоконсерватизма). М.: Мысль, 1989. С. 157.

⁴³ Панарин. Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма. С. 4.

⁴⁴ Панарин. Глобальное политическое прогнозирование; он же. Искушение глобализмом; он же. Православная цивилизация в глобальном мире.

группы, и приписывал этим группам незыблемые психологические характеристики, убеждения и поступки.

На Панарина также оказали влияние призывы ФНП к пан-европейскому регионализму, выражающиеся в мечтаниях де Бенуа о «Европе ста флагов», состоящей из множества «гомогенных сообществ».⁴⁵ Подобно ФНП интеллектуалам,⁴⁶ Панарин восхвалял локальные традиции и призывал развивать и поддерживать культуру и фольклор русской народной глубинки. Эти призывы сочетались у Панарина с продвижением проекта восстановления евразийской империи путем объединения стран СНГ в новую федерацию и замены бывшего статуса советских национальных республик на «регионы», разграниченные не произвольно, а принимая во внимание их органическую, культурную специфику.⁴⁷

Россия, по Панарину, является органической, а не гражданской нацией. Российская нация объединена общей культурой, сформировавшейся в результате взаимодействия между географией, климатом, и историей. Не государство, и не интеллигенция, но русский народ, считал Панарин, является «первооснов[ой] всего, источник[ом] духовного и материального богатства, носитель[ем] главных ценностей».⁴⁸ Русский народ, таким образом, играет роль блюстителя «коллективного сознания», а «народность» означает то же, что и коллективизм и «общинность», в противоположность западному индивидуализму.⁴⁹ Панарин полагал, что Россия является ядром евразийской цивилизации. Не являясь ни Европой, ни Азией, Евразия всё же более близка к Азии, чем к декадентским Европе и США. Эта выдуманная Панариным цивилизация держится на общей «евразийской» культуре и соответствует границам бывшего СССР. Из-за её «уникальной» мультиэтничности, Евразии, по убеждению Панарина, уготована имперская и мессианская судьба.

Особый интерес вызывали у Панарина идеи ФНП о европейской «духовной империи регионов» и о сближении Европы со странами третьего мира, с которыми выступали на рубеже 1960-1970х годов де Бенуа, Гийом Фай, и другие ФНП интеллектуалы.⁵⁰ Объединённая Европа, укреплённая таким союзом с развивающимися странами, была бы достаточно могущественной, чтобы противостоять США и СССР, тем самым способствуя многополярности мира и окончанию холодной войны.⁵¹ Па-

⁴⁵ Bar-On, T. Fascism to the Nouvelle Droite: The Dream of Pan-European Empire // *Journal of Contemporary European Studies*. 2008. Vol. 16. № 3. P. 327-345.

⁴⁶ De Benoist, A. & la Commission «Traditions et Communauté». *Les Traditions d'Europe*. Paris: Le Labyrinthe, 1982.

⁴⁷ Панарин, А. Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) // *Знамя*. 1994. № 6. С. 160.

⁴⁸ Панарин. Россия в цивилизационном процессе. С. 102.

⁴⁹ Панарин. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С.153.

⁵⁰ Панарин. Философия политики. С. 132.

⁵¹ Faye. *Nouveau discours*. P. 103-118; de Benoist, A. *Europe, Tiers Monde, même combat*. Paris: Éditions Robert Laffont, 1986.

Панарин, в свою очередь, верил, что бывшая на протяжении веков империей Россия должна оставаться империей и оставить тщетные попытки стать государством-нацией. Эта Российская/Евразийская империя, вошла бы, по Панарину, в союз континентальных держав и смогла бы противостоять атлантистскому мировому господству. Панаринская евразийская империя очень напоминает европейскую империю, воспетую ФНП интеллектуалами.

Если Панарин ностальгировал по российскому имперскому прошлому, то сторонники ФНП – по французскому колониальному. У Панарина эта ностальгия выражалась в призывах сблизиться со странами СНГ, а у ФНП – со странами третьего мира. Следует ли говорить, что как панаринский, так и французский новый правый дискурсы подпитаны чувством обиды: у Панарина – на распад СССР, у ФНП – на деколонизацию Алжира.

Рассуждения Панарина о российской роли в странах ближнего зарубежья не только неоригинальны, но и утопичны. Фантазируя о «Евразии», Панарин вторит извечной нарративе о цивилизаторской миссии щедрых и «значимых» колонистов среди менее «значимых» колонизируемых. Согласно Панарину, Россия должна повернуться своим евразийским, автаркичным и протекционистским, лицом к Западу, а своим «цивилизаторским» лицом к странам ближнего зарубежья, являющимися «внутренним Востоком» России. Обвиняя Запад в колонизации России, Панарин в то же время призывал Россию снова взять на себя мессианскую роль объединителя стран СНГ. В своем антизападничестве Панарин подражает тому же европоцентризму, который он так рьяно критикует.

Панарин и ФНП также сходятся в своём антиамериканизме. В одном из своих учебников, одобренных Министерством образования и используемом в российских вузах, Панарин вводит понятие «протестантского Севера», подпавшего под «политическое влияние Американизма..., культуры индивидуалистического гедонизма, враждебной некоторым коллективным ценностям, коллективной героике и аскезе».⁵² В то время как авторы ФНП критикуют миропорядок, установленный США после Второй Мировой Войны, Панарин винит в бедах России американский «индивидуалистический гедонизм» и «массовую деморализацию».⁵³ Он предостерегает, что при открытом контакте с Западом менее развитое российское общество всегда будет объектом этой деморализации. Панарин был уверен, что, будучи культурой-реципиентом, русская культура сможет сохранить свою идентичность только прибегнув к автаркии по отношению к американской культуре-донору.⁵⁴ Западный же дискурс о правах человека представлялся Панарину ничем другим как притворством США, прикрывающим свои истинные интересы: являясь единственной супер-державой,

⁵² Панарин. Философия политики. С. 114.

⁵³ Там же. С. 116.

⁵⁴ Там же. С. 117.

США вспоминают о защите прав человека только тогда, когда нужен предлог для вмешательства во внутренние дела России и других стран.⁵⁵ Все эти рассуждения ничем не отличаются от дискурса ФНП. Также как и Панарин, Фай отзывался о правах человека как об «американской идеологии», о меркантильной «машине войны против политических суверенитетов», наложенными на Европу и остальной мир для того, чтобы продвигать американские идеи демократии и либерализма.⁵⁶

На панаринскую мысль также повлияли идеи ФНП об индоевропейском наследии Европы.⁵⁷ В своих многочисленных работах, Панарин ссылаясь на индоевропейские мифы об иерархическом разделении древних обществ на жрецов, воинов и пахарей, доказывая актуальность этих мифов для анализа современного мира.⁵⁸ Он писал о необходимости развития близких отношений между Россией и Ираном. Панарину так и не удалось разрешить противоречия между своим европоцентризмом и призывами к диалогу культур и цивилизаций горбачевских времён и своим более поздним воинственным антизападничеством.

Как следует из вышесказанного, идеи ФНП оказали огромное влияние на Панарина. В то же время, панаринский и ФНП дискурсы различаются по ряду вопросов. Так, де Бенуа и другие ФНП интеллектуалы являются представителями не католической, а анти-христианской правой, пропагандирующими язычество и полагающих, что иудео-христианство виновно в коррупции истинной европейской сущности.⁵⁹ Язычество же, на их взгляд, лежит в основе самобытной европейской культуры. В духе Фридриха Ницше, Еволы, и Генона, де Бенуа и другие авторы ФНП мечтают о «заново очарованном» мире, которым правит «человек-демиург», «мастер и создатель своей судьбы.» Панаринский же цивилизационный национализм замешан на православии. По Панарину, евразийская империя должна быть скреплена идеей православия: «отсутствие такой идеи деформирует и дезориентирует общественное сознание народов стран бывшего Советского Союза».⁶⁰ Панарин обвинял российскую элиту в неумении сохранить цивилизационное наследие Евразии.⁶¹ В своих ранних работах, в которых ещё отсутствует его более поздний армагедонизм, Панарин пишет, что связующая роль церкви заменит геополитический, военный контроль над Евразией. Согласно Панарину в многоэтничных цивилизациях, в отличие от на-

⁵⁵ Панарин. Политология. С. 180.

⁵⁶ Faye. Nouveau discours. P. 77-8.

⁵⁷ De Benoist. Vu de droite. P. 32-37.

⁵⁸ Панарин. Философия политики. С. 208-209.

⁵⁹ De Benoist, A. L'éclipse du sacré. Discours et réponse // Quelle Religion pour Europe? Un débat sur l'identité religieuse des peuples européens / Ed. D. Théraios. Genève: Georg Éditeur, 1990. Также см.: de Benoist, A. Comment peut-on être païen? Paris: Albin Michel, 1981.

⁶⁰ Панарин. Философия политики. С. 132.

⁶¹ Там же. С. 168.

ций-государств, религия играет особо важную объединительную функцию.⁶² По убеждению Панарина у ФНП нет политического будущего, если её представители не отрекутся от своего язычества.⁶³

Особенно явное расхождение во взглядах Панарина и ФНП наблюдается в вопросе о мусульманских меньшинствах. Удивительно то, что Панарин не осознавал, что в воображаемой ФНП интеллектуалами Европе, которую он с таким рвением пытался воспроизвести в своих мечтах о «Евразии», нет места не-европейцам, а особенно – мусульманам, в то время как концепция «Евразии» строится на союзе православия и ислама. Правда, и этот союз является иллюзией, ведь в панаринской Евразии ислам занимает второстепенное место, а православие, в его цивилизаторской роли, играет первую скрипку.

Заключение

За последние двадцать лет идеи Панарина эволюционировали от либерального национализма к апокалиптическим видениям войны между западным и евразийским мирами. К концу 90-х годов, Панарин окончательно отрёкся от своего раннего европеизма и начал воспевать культурную специфику России и её непринадлежность к европейской цивилизации. Если на рубеже 1980-х – 1990-х годов Панарин критиковал Дугина за его ультранационализм и имитацию европейского правого экстремизма, то к концу первого постсоветского десятилетия этот уважаемый учёный подпал, как и Дугин, под влияние ЕНП. Критикуя Европу, Панарин равнялся на идеи, возвращённые на европейской почве, и использовал то же орудие легитимации своего политического языка, как и его европейские ультраправые собратья.

Ощутимое влияние идей ФНП на неоевразийство Панарина является еще одним разительным примером отражения и преломления европейского ультра-национализма на российской интеллектуальной арене. Аналогично тому как марксизм, переместясь в Россию, заложил основу для создания советской Утопии, идеи ЕНП вдохновили российских интеллектуалов на утопичные фантазии о возрождении могущественной русской нации. Изучение наследия Панарина в контексте ЕНП и рассмотрение его творчества как примера диффузии европейских идей в России открывает новые пути к пониманию огромной популярности ультранационализма в постсоветскую эпоху кризиса марксистско-ленинской идеологии.

⁶² Панарин. Россия в цивилизационном процессе. С. 130.

⁶³ Панарин. Глобальное политическое прогнозирование. С. 268-269.

Панаринская интерпретация идей ФНП продолжает оказывать влияние на российских студентов со страниц его многочисленных учебников и монографий, до сих пор входящих в списки рекомендуемой литературы в вузах страны. Эти идеи также распространяются его бывшими учениками, в свою очередь ставшими уважаемыми преподавателями, политиками и журналистами. В то время как открыто экспансионистский дискурс Дугина может и не вызвать симпатии у многих россиян, цивилизационный национализм Панарина мастерски маскирует культурный расизм и империализм, таким образом придавая этим идеям более благоприятный вид, но не делая их при этом менее опасными. Именно это «расслабленное» неоевразийство, заключающееся в теориях Панарина и подпитанное мыслями ФНП, и представляет наибольшую угрозу для все ещё хрупкой российской демократии.